

СИНИЦА

А жизнь ещё как будто длится,
Хотя все вешки снесены...
И вечность медленная мглился
Среди стеклянной тишины.

Как птица, вспархивает ветер,
Ночь загоняет под крыльцо...
Взмахнёт синицы лёгкий веер
И опанёт моё лицо.

Мне так охота затаиться
И видеть, как в зазорах мглы
Ко мне летит моя синица,
Чтоб пенем оживить углы

Моей души многострадальной
И радость из неё добыть...
Летит она из рощи дальней
Мою тоску растеребить,

Разворошить моё сознание,
Раствормошить слепую кровь,
Да так, чтоб сердце распознало
Во мгле последнюю любовь.

62

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

В бумагу кровью вляпано...
«Трагически погибла...»
Елабуга... Елабуга –
Маринина могила.

Михаил Успенский

1

Ты сбита влёт, ты влёт убита,
Гнездо над Родиною свито,
Но нет Отчизны, нет гнезда,
И ты до Страшного суда

Дошла в любви непостижимой
К России, к дочери любимой
И к сыну – посреди невзгод...
...Но грянул сорок первый год...

2

И словно выдохлась Марина,
В душе означился исход...
Врагов и близких не корила,
Взошла на шаткий эшафот...

Простилась с миром и с кумиром
(Сын был кумиром для неё).
Маринин крик стоит над миром:
«Родное дитяtko моё...»

3

Я был в Елабуге, Марина,
Я видел чёрный, смертный гвоздь.
Твой сын погиб... Он пулю принял,
Над ним горит рябины гроздь...

Ты пала раньше – в сорок первом –
В бою неравном, как в бреду.
...Я по Елабуге, по нервам,
Как будто по гвоздям, иду.

* * *

Ветер байкальский меня не спросился,
Ветер свихнулся, ударил в лицо
И по тревожной земле покатился,
Будто бы жизни моей колесо.

Вот она круглая жизнь! Приникая
К мимо летящему полю, где рожь,
Я ей кричу: «Ах ты, жизнь растакая!
Как ты меня по ухабам несёшь!»

По златокудрым и чувственным бабам,
По крутоярам и дырам земли,
По деревенькам и рожицам рябым,
Где мои лучшие годы прошли!

Круглая жизнь, где твоя остановка?»
Пламенем к небу взметнулись года...
Осень. Погост. Зазвенела подковка,
Будто упавшая с неба звезда...

* * *

Мир тяжёлый вокруг, он и новый и древний,
От орудий глубокие в нём колеи.
А я снова во сне, навещаю деревню,
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня

тёплый воздух приносит

И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших сибирских полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей.

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало на Родине хлебных полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу – стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои...

* * *

Мне жить в самом себе не просто,
Не просто мне в себя смотреть.
Во мне ворочается космос,
Как будто раненый медведь.

И я постичь себя пытаюсь,
Непостижимое узреть.
Борюсь с собой,
с собой братаюсь,
Стремлюсь любимую согреть.

Моя любовь, как дальний остров,
Глядит в меня издалека.
Там бьются волны, светят росы
И проплывают облака.

63

Там жизнь вершится без нажима,
Там вспышки глаз и угли губ
Нацелены неустрашимо
В мою космическую глуть.

И я, большой, неизмеримый,
По краю космоса лечу.
И слышу: «Я с тобой, любимый!
Лететь мне рядом по плечу».

Любимая! Не стань постылой,
А коль остынешь, помни впредь:
Погибну я среди пустыни,
Как будто раненый медведь.

СНЕГОПАД

Был свет на улице потушен...
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

ОСЕННИЙ СОН

Я разорвал свой сон, как чёрную бумагу,
И начал жечь его на пламени души.
Но вдруг заплакал сон и проявил отвагу:
Он не хотел гореть и взвился: «Потуши!»

В том сне витала ты, как раненая птица,
В забытом сентябре, в прозрачном тальнике.
Там расставались мы. В моих глазах двоится
Видение твоё, как парус вдалеке.

Там, будто бы цветок, твой раскрывался голос,
И что-то мне шептал, и что-то говорил...
С теченьем быстрых дней ты там –
во сне, боролась,
Душою трепеща и выбившись из сил.

И вдруг пропала ты, из осени исчезла,
Лишь в тонком тальнике остался света звон.
...В глухую темноту я отодвинул кресло,
И вышел из себя, и разорвал свой сон.

Так хочется чистого снега
И света колючего дня...
А помнишь, как было: с разбега
Ты, ахнув, уткнулась в меня!
Уткнулась... И вздрогнули парки,
Качнулись деревья верхи,
Цвели поцелуи-подарки
И падали с неба стихи.
Кружилась луна, словно лира,
А мы среди лунной земли
Не видели бренного мира
И видеть его не могли...
Свет бил из небесного лона,
И ворон над нами кружил,
Он помнил туман Альбиона,
Где Дарвин, наверное, жил.
А мы позабыли про время,
Про тайную суть ремесла...
Мы жизнь поцелуями грели,
Чтоб мимо она не текла.
Такое бывает нечасто,
Быть чуждым оно не могло,
И белое дерево счастья
Из чистого снега возшло.

ЗЕМЛЯ

На самом дне алеющего утра
Проснись и замираю и от него таюсь.

Летели души и искрились,
Дымились рощи и поля.
Их было столько, что покрылась
Летучим саваном земля.

Я видел – это были жизни
Солдат, погибших на войне.
И дрожь прошла по всей Отчизне
И болью вскрикнула во мне.

Я город оставил железный,
Ушёл от людской суеты
В молчанье осеннего леса,
Где бродят по лесу цветы.

Вдоль тропок надёжно и просто
Прозрачные встали кусты.
И смотрят мне в душу с погоста,
Как люди живые, кресты.

Я – русского мира поборник,
Пришедший к нему на века.
Я – стражник, радетель и дворник
Живого его языка.

Я равным той силе не буду,
Что тайной гудит в языке,
Но рад я великому чуду,
Что светит в библейской строке.

ПОЗЁМКА

Завивает позёмка земные концы,
Серебрится змеёй за синеющей далью,
Засыпает осенней реки останцы
И в душе у меня стекленеет печалью.

И леса, и поля застилает, как дым...
Человек под собою не чувствует тверди,
Пропадает в позёмке, как будто над ним
Не позёмка летит, а дыхание смерти.

Протыкает позёмка бревенчатый дом
И таскает за космы пустое болото...
...Над землёю летят, будто некий фантом,
И скрипят деревянные крылья заплота.

Вместо стёкол в окне – чёрно-белая мгла,
И душа не поёт, и дорога затмилась,
Словно в щели небес вся земля протекла
И позёмкой в ночи даже тьма задавилась.

Средь сизых облаков,
 среди туманов утлых,
Как будто рыба омуль,
 в сетях рассвета бьюсь.

То кану, то взовьюсь, сверкая опереньем,
То чайкой голубой качаюсь на волне.
Мне кажется Байкал
 моим стихотвореньем,
Я в нём себя таю, а он живёт во мне.

Моя любовь к родной
 земле
 непостижима.
Между моей душой и вечностью земли
Совсем зазора нет.
 Мы с ней нерасторжимы.
Мы в космосе — вдвоём!
 Друг друга мы нашли.

В крошечной темноте я продышал оконце,
Когда дремал рассвет и спали тополя,
Чтоб тёплое, как печь,
 уже вставало солнце,
Чтоб грелась поскорей родимая земля.

* * *

Александр Казинцеву

Звонит надо мною большое стеклянное небо,
Царапает душу колючая, ломкая высь.
Ещё далеко до осеннего первого снега,
А птицы, как пули, уже в никуда понеслись.

За ними душа, словно ласточка,
 в небо рванулась,
За край горизонта ушла и на самом краю
Крылом зацепилась за Родину, и оглянулась,
И с лёту упала на тихую землю свою.

Упала, уткнулась в пожухлые, горькие травы,
Забыв улетевших в невечное прошлое птиц...
Ей стали ненужными почести,
 вестники славы,
Ей только б с молитвою
 пасть перед Господом ниц.

Покинули Родину птицы
 и, может быть, правы...
Травинки приникли к моей измождённой душе.
И небо, как зеркало,
 не отразило Державы,
Стеклянной Державы,
 которой не стало уже.

